

движения определяются одной и той же механикой» (Ibid., v. III, p. XI). Последнее утверждение предполагает существование единой механики, и для истории науки это важный факт. Но небезынтересно отметить, что по крайней мере в теологии учение Аристотеля о движущихся Интеллигенциях было новшеством. Согласно Аристотелю, всякое движение предполагает наличие двигателя, отличного от движущейся вещи; поэтому он утверждает, что двигатели существуют отдельно от небесных тел, и Фома Аквинский послушно следует за ним в этом вопросе. Но это нововведение шокировало теологов старой школы, и мы видели, что Гильом Овернь-ский, обнаруживший аналогичное утверждение у Авиценны, объявил его ложным и осыпал сарказмами как смехотворное. В 1271 г. генерал Ордена братьев-проповедников* Иоанн из Версея направил Фоме Аквинскому и Роберту Килвордби перечень из

43 вопросов, на которые ответили оба, однако в совершенно разном духе. На четвертый вопрос Иоанна из Версея: «Доказано ли неопровержимо, что ангелы суть двигатели небесных тел?» — св. Фома ответил, что, с одной стороны, святые отцы учили, что Бог управляет низшими вещами при посредстве высших, но с другой стороны, платоники и перипатетики считали доказательными свои доводы, согласно которым небесные тела либо оживлены и движимы их душами (Авиценна), либо, что лучше, движимы ангелами (Аверроэс). Это не значило выдавать данный тезис за неопровержимо доказанный, но сказать, что философы считали его доказуемым, что он согласуется с общим принципом, провозглашенным отцами, и добавить, что никто из них, как помнится, не отрицал его, — это означало поддержать тезис. Килвордби, который снисходительно отзывался об авиценновском тезисе о душах сфер, напротив, отвергает идею о том, что небесные тела движимы ангельскими духами, которые не являются ни их действием, ни формой. Это мнение, заявляет он, «*pes est philosophica, pes memini earn esse ab aliquo sanctorum approbatam tanquam veram et certam*»**. Тогда как Фома Аквинский удовлетворяется тем, что эту идею считают доказанной философы и не отрицают святые отцы, которые, скорее, применяют ее как принцип, Килвордби объявляет данную идею не имеющей какого-либо философского значения и утверждает, что ни один из отцов не принимал ее как очевидную истину. Его ответ сужает вопрос Иоанна из Версея, но дело в том, что сам Килвордби предпочитал двум указанным мнениям третье, которое он, впрочем, представляет отнюдь не как сугубо его личное. «*Tertii ponunt...*» («Третьи допускают...»), «что, как тяжелые и легкие тела движутся благодаря своему весу и стремлению (*propriis ponderibus et inclinationibus*) к местам, где они останавливаются, так же и небесные тела совершают кругообразное движение в местах, соответствующих их природным склонностям, которые, по-видимо-

369

3. От Гроссетеста до Пеккама: А. Оксфордские магистры

у связаны с их весом; они сохраняют тленные вещи, удерживают их от быстрого распада и гибели». Как справедливо заметил историк, оценивший важность этого текста, «*inclinatio, instinctus proprii ponderis*», кажется, принадлежат к качественному порядку вещей и поэтому остаются в сфере качественной физики Аристотеля, тогда как *impetus* Буридана явно ориентируется на количественную интерпретацию и открывает возможность для математического измерения» (М. Д. Шеню). Другими словами, здесь мы еще не стоим на пороге современной науки, так как Килвордби вовсе не озабочен механикой. Но он со всей очевидностью сформулировал философский принцип, необходимый для того, чтобы, согласно П. Дюэму, можно было утверждать: «как небесные, так и подлунные движения определяются одной и той же механикой»: «*Et sicut gravium pondera et levium movent ipsa regulariter nee exorbitare permittunt, ita est de ponderibus singulorum corporum caelestium et*